

УДК 811.161.1

ЗАМЯТИНСКИЙ ТЕКСТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

© 2011 г.

Е.В. Алтабаева

Мичуринский государственный педагогический институт

evaltabayeva@mail.ru

Поступила в редакцию 17.03.2011

Представлена концепция замятинского текста как феномена русского национального языкового сознания и методология его исследования в лингвокультурологическом аспекте. Рассмотрены признаки замятинского текста и особенности его концептосферы.

Ключевые слова: лингвокультурологический аспект, художественный текст, текстовая модель картины мира, замятинский текст, национальная концептосфера.

Замятинский текст занимает, наряду с пушкинским, гоголевским, чеховским текстом, свое особое значимое место в летописи великой русской культуры, в выражении русской ментальности. Более полувека произведения Е.И. Замятина не издавались на родине, и только с 1988 г., впервые после многодесятилетнего перерыва, публикация его произведений в России возобновилась. Неослабевающий исследовательский интерес к личности и творчеству писателя обусловил появление целого научного направления, развивающегося в контексте изучения историко-культурного развития России, путей сохранения и осмысления культурного наследия Русского Зарубежья, духовных и эстетических ценностей отечественной и мировой литературы, фольклора.

Если отечественное и зарубежное литературоведение уже накопило достаточный опыт исследования этого уникального явления, то язык произведений Замятина пока остается почти неизученным, хотя именно язык может стать ключом к разгадке глубинного смысла творений автора, секретов его творческой мастерской, его особого, замятинского, индивидуально-авторского стиля, в котором блестяще реализовано изобразительное мастерство писателя. Однако работ такого плана весьма немного, тем более – системных исследований [см.: 1–7], поэтому очевидно, что феномен *замятинского текста* нуждается в специальном рассмотрении. Особенно актуально изучение проблем замятинского текста, его языка и стиля как самостоятельного объекта научных изысканий в контексте лингвокультурной парадигмы. Феномен Замятина, несмотря на многочисленные исследования, – еще далеко не прочитанная книга. Особый облик замятинского текста проявляется,

прежде всего, в его лингвокультурных, художественных и языковых свойствах, формирующих то самое впечатление, которое уловил и выразил Конст. Федин, подметив, что «Замятина не хитро угадать по любой фразе. Он вытаскивал вещи как из кости...» [8, с. 78].

В то же время заметим, что текст Замятина – не искусно сконструированное образование талантливой мастера. Это живой язык и неповторимые самобытные образы, это звук полной мощности и изображение максимальной яркости. Это совершенно особое четырехмерное пространство, огромный мир, вмещающий в себя и «одну какую-то точку в уголку ее губ» – точку «сгущенного солнца», и целую вселенную с лунами, звездами, «миллионверстными воздушными льдами»... Замятин так писал о синтетическом подходе к тексту в частности и к художественному творчеству в целом: «Как будто реально и бесспорно: ваша рука. Вы видите гладкую, розовую кожу, покрытую легчайшим пушком. Так просто и бесспорно. И вот – кусочек этой кожи, освященный жестокой иронией микроскопа: канавы, ямы, межи; толстые стебли неведомых растений – некогда волосы; огромная серая глыба земли – или метеорит, свалившийся с бесконечно далекого неба – потолка, – то, что недавно еще было пылинкой; целый фантастический мир – быть может, равнина где-нибудь на Марсе... Синтез подошел к миру со сложным набором стекол – ему открываются гротескные, странные множества миров; открывается, что человек – это вселенная, где солнце – атом, планеты – молекулы, и рука – конечно, сияющее, необъятное созвездие Руки, открывается, что Земля – лейкоцит, Орион – только уродливая родинка на губе <...> открывается ничтожнейшее, грандиознейшее величие

человека, открывается – относительность всего» [9, с. 167–168].

Синтетизм и составляет основу художественного метода писателя, пронизывает замятинский текст и организует его. Важно исследовать механизм действия данного метода, но здесь объективно возникает вопрос о принципах и подходах к изучаемому явлению, то есть о методологических основах исследования.

Всякий текст, по словам Е.С. Кубряковой, будучи специфически организованным способом коммуникации, нацелен на формирование в сознании адресата определенной *ментальной модели*, обеспечивающей понимание содержания данного текста [10, с. 72]. Текст художественный формирует в сознании читателя такую ментальную модель, в которой действительность получает особое, образное отражение в виде одного из возможных миров, созданного волей автора. Все возможные интерпретации художественного текста имеют в своей основе собственно *текстовую модель* картины мира (модель фрагмента действительности в тексте), и эту модель каждый раз заново, средствами языка, создает в своем произведении сам автор. *Текстовая модель картины мира* есть индивидуально-авторское воплощение универсальных мыслительных представлений личности в концептуальном и языковом пространстве художественного текста.

Если учитывать безусловно важное в методологическом отношении различие *авторской, читательской и исследовательской* моделей текста как трех ипостасей текстовой модели, то становится актуальным вопрос о дифференциации и соотношении данных ментальных моделей, который лежит не только в плоскости герменевтики, но и тесно увязывается с когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической парадигмами. В этом плане уместно говорить не только о языковой, но и о художественной картине мира в тексте, которая выступает как специальная инвариантная текстовая модель языковой картины мира и включает в себя три вышеназванные ментальные модели как варианты. Их дифференциация основывается, прежде всего, на различном соотношении представления в них индивидуального сознания (авторского, читательского, исследовательского) и коллективного бессознательного, отраженного в содержании текста в виде традиционных символов соответствующей культуры.

Соотношение это представляет собой достаточно сложное явление, не сводимое ни к линейным, сегментным характеристикам, ни к

уровневому принципу. Так, в пространстве художественного текста происходит пересечение и взаимодействие читательской и авторской моделей. Это пересечение и взаимодействие опирается, с одной стороны, на инвариантную текстовую модель картины мира как индивидуально-авторское воплощение универсальных представлений личности и, с другой стороны, на культурно-специфицированную модель действительности как особый архетип национального мировосприятия. Исследовательская модель как результат когнитивных процессов действует в виде условной настройки над первыми двумя моделями, определенным образом их осмысливая, интерпретируя и соотнося.

Интерпретация художественного произведения, как авторская, так и читательская и исследовательская, имеет строго определенную специфику, связанную с определенным культурным архетипом. Явление культурного архетипа понимается неоднозначно: и как совокупность глубинных установок коллективного бессознательного, согласно К.Г. Юнгу, и как изначальный образ, актуализирующийся в художественном творчестве и принимающий формы, соответствующие современным культурно-историческим условиям, по А.А. Леонтьеву. При любой трактовке не может игнорироваться национальная составляющая культурного архетипа как доминанта любого способа интерпретации литературного произведения. В нашем случае это русский культурный архетип – сложнейший и до конца не познанный феномен. Обостренный интерес к нему в науке конца XX – начала XXI в. возникает в связи со становлением и развитием новых областей научного знания, таких как этнолингвистика, лингвокультурология, психоллингвистика, когнитивная лингвистика, социоллингвистика и др.

Одним из важнейших компонентов осмысления художественного текста является понятие ключевого смысла. Ключевые смыслы соотносятся с категорией содержания как особая интерпретация того, о чем сообщается в тексте. Будучи интерпретационным компонентом текста, ключевой смысл имеет концептуальную природу, поскольку отражает содержание соответствующего концепта и структурирует концептосферу художественного текста, являясь ее «стержневым» образованием. Исследование ключевых смыслов текстовой модели картины мира подразумевает обращение к базовым концептам языкового сознания нации, отражающим в художественном тексте систему «миров личности» и являющимся национально-культурными константами. Концептуальный анализ

их представленности в тексте позволяет вскрыть глубинные механизмы образного воплощения, сосуществования и взаимодействия в индивидуально-авторской концептосфере универсальных и характерных для русского языкового сознания национально специфицированных концептов (*время, пространство, человек, ум, речь, совесть, вера, надежда, любовь, желание, возможность, необходимость; душа, судьба, тоска, кручина, неприкаянность, удаля, размах, авось* и др.).

Одним из основных признаков, определяющих своеобразие замятинского текста, и является особая концептосфера, национально специфицированная в ткани текста. В числе других важнейших признаков – взаимодействие и взаимопроникновение макрокосма и микрокосма; полифоничность (многоголосие), присущая сказовой манере повествования, когда автор, рассказчик, герой «речедействуют» в тексте на равных; особый хронотоп замятинского текста, позволяющий говорить об авторском пространственно-временном континууме; особый, былинно-бытовой тип замятинского героя; особая воздейственность текстов Замятина, обусловленная синтезом информативных и прагматических факторов; языковые и стилистические средства как способы кодирования и передачи информации, обеспечивающие эффект сильнейшего художественного впечатления [см. более подробно: 2, с. 75–77].

Все эти признаки последовательно обнаруживаются и проявляются в каждом произведении Е.И. Замятина (романы «Мы», «Бич божий», повести «Уездное», «Алатырь», «На куличках», «Островитяне», «Ловец человеков», «Наводнение», рассказы «Пещера», «Африка», «Непутевый», «Ела», «Север», «Три дня» и др.).

В связи с вышесказанным мы рассматриваем *замятинский текст* как значимое национально-культурное явление, самодостаточный феномен русской национальной и – шире – славянской ментальности, с одной стороны, и уникальный языковой прецедент, отражающий данную ментальность в индивидуально-авторской текстовой модели мира – с другой. По определению В.В. Колесова, «ментальность есть мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах» [11, с. 260]. Сущность русского национального характера, природу русского человека, особенности его поведения, систему ценностей Замятин воплощал в первую очередь через язык, через специфические фор-

мы повествования. Будучи глубоко национален, он не мог не прийти в своих поисках к сказовой манере повествования, так же, как и Гоголь, Лесков, Ремизов. Однако он не просто воспроизводил традиционные сказовые формы, но создавал виртуозную стилизацию сказа, высвечивая самые глухие, самые потаенные уголки и закоулки «загадочной русской души», показывая как ее универсальные, общечеловеческие стороны, так и национально специфицированные черты.

Язык и концептосфера замятинского текста представляют читателю многоплановый панорамный портрет русской языковой личности. Не удивительно, что одно из наиболее значимых мест в замятинской концептосфере занимает концепт *человек*, связующий и объединяющий два других концепта: *время* и *пространство* – важнейшие координаты в замятинской модели мироздания.

Третьей главной координатой в текстовой модели мира Замятина оказывается концепт *человек*. Так, только в рассказе «Русь» мы обнаруживаем около 70 репрезентаций этого концепта, дающих яркую масштабную картину обитателей художественного пространства произведения. Это такие субстантивные номинации, как *странники, богачи, мальчишки, пропойцы, цыгане, маклаки, медведи-купцы, самовары-трактирщики, продувные ярославские офени, хитроглазые казанские «князья», дружинники, скитники, зеленошубые столетние деды, седоки, кучера, молодцы, сундучники, тузы, лихачи* и др. Широко представлены репрезентации человека по признакам внешности (*глаза вострые, цыганский угольный глаз, правая бровь плеткой*), одежды (*шубы, шали, шапки, нерехтские рукавички*) и особенно еды (*стерляди, осетры, балык, огнива белужья, просфора, калачи, квас, яблоки-крымки, щи со сметками, кисель овсяный*). Люди в замятинском тексте изображены не только как представители социальных или профессиональных групп, но и как носители русской национальной духовности, соборности, получившей на страницах произведений Замятина одно из самых глубоких в русской литературе описаний.

Очевидно, что художественная система Е.И. Замятина в плане репрезентации русской культуры, ментальности и особенностей русской языковой личности представляет большой научный интерес и заслуживает пристального внимания исследователей.

Список литературы

1. Алтабаева Е.В. Высказывания с семантикой волеизъявления как средство речевого воздействия в произведениях Е. Замятина // Творческое наследие Е. Замятина: Взгляд из сегодня. Кн. VI. Тамбов, 1997. С. 52–55.
2. Алтабаева Е.В. Замятинский текст как объект лингвокультурологии // Филологическая регионалистика. Тамбов, 2010. № 1–2. С. 74–78.
3. Алтабаева Е.В. Замятинский текст: язык и концептосфера (к методологии исследования) // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Международного конгресса литературоведов: К 125-летию Е.И. Замятина, 5–8 октября 2009 г. / Отв. ред. Л.В. Полякова. Тамбов, 2009. С. 505–509.
4. Алтабаева Е.В. Концепт *желание* в художественной прозе Е. Замятина // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы: В XIII кн. Кн. XIII / Под ред. проф. Н.Н. Комлик. Тамбов–Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. С. 217–223.
5. Алтабаева Е.В. О механизме художественного воздействия прозы Е.И. Замятина // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Кн. VII. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина. 2000. С. 91–102.
6. Алтабаева Е.В. Текстовые особенности категории волеизъявления (на материале произведений Е. Замятина) // Язык и культура: 4-я международная конференция. Материалы. Киев, 1996. Ч. 3. С. 168–170.
7. Алтабаева Е.В., Рыжков И.А. Текстовые возможности глаголов ощущения в романе Е. Замятина «Мь» // Творческое наследие Е. Замятина: Взгляд из сегодня. Кн. V. Тамбов, 1997. С. 59–68.
8. Федин Конст. Горький среди нас. Картины литературной жизни / Конст. Федин. М., 1967.
9. Замятин Е.И. О синтетизме // Замятин Е.И. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Лица. М., Русская книга, 2004. С. 164–172.
10. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика: Доклады VIII Международной конференции. Т. 1. М., 2001. С. 72–81.
11. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002.

ZAMYATIN'S TEXT AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON

E. V. Altabayeva

The article focuses on the concept of Zamyatin's text as a phenomenon of Russian national consciousness and the methodology of its investigation from the linguocultural perspective. Special attention is paid to specific features of Zamyatin's text and the peculiarities of its conceptual sphere.

Keywords: linguocultural aspect, prosaic text, text model of the world, Zamyatin's text, national conceptual sphere.